

Анатолий ДОМАН:

ПРОФЕССИЯ — ПРОДЮСЕР

кое война и что такое французское профашистское правительство в Виши. Я не имел выбора и оказался антифашистом. Мой отец — польский еврей, капиталист, и, чтобы досадить ему, я сочувствовал коммунистам. Я оставался сочувствующим вплоть до 1946 года. Это, правда, не мешало мне принадлежать к различным группировкам. Как сказали бы в КГБ, я принадлежал англичанам, участвовал в европейском Сопротивлении. После освобождения Франции я был кандидатом в члены компартии, но через год отделился от нее и почувствовал облегчение. Когда грянул советско-югославский кризис, я был рад, что не член партии. И тогда я понял: то, что говорил Тито о Сталине, — правда. Но и то, что говорил Сталин о Тито, — тоже правда. Однако я продолжал голосовать за левых и не по суеверию, а по убеждению. Почему? Я претендую на то, что у меня есть разум. Я обладаю способностью анализировать, критиковать, а потому я свободен. Все же левые не подталкивали к войне.

— Какими своими фильмами как продюсер, как руководитель прокатной фирмы «Аргосфильм» вы гордитесь больше всего?

— Это зависит от дня. Но есть фильмы, которые доставляют мне счастье. Это счастье оттого, что я выбрал и тему фильма, и режиссера, нашел деньги, был администратором и занимался выпуском фильма в свет. Прежде всего — это короткий фильм Алена Рене «Ночь в тумане». Росселини сказал, что это самый важный фильм, который сделан после его картины «Хиросима, любовь моя». Этот фильм обновил киноязык. В СССР я счастлив показать фильм Осены «Империя чувств».

— Нам известно, что фильм «Империя чувств»

доставил вам не только радости, но и большие хлопоты. Картину преследовали.

— Цензура — дело дьявола. Она всегда застаёт врасплох. Я не могу ничего предвидеть. Каждый раз, когда я сталкивался с цензурой, мне удавалось (иногда с большими усилиями) все преодолеть. Мне предлагали некоторые откровенные сцены из «Империи чувств» вырезать. Я отказался. Фильм был арестован на Западном берлинском фестивале. Тогда я обратился в Верховный суд, который через год вынес политическое решение. Фильм был признан как произведение искусства. Такой же процесс происходил в Америке, когда таможня арестовала фильм. И вновь решение было полностью в мою пользу. Этот факт, утверждают, навсегда изменил статус таможни в США. Такой произвол там теперь не допускают. Фильм вышел в Лондоне, но для этого потребовалось согласие самых высоких инстанций. Кстати, во французской газете со ссылкой на киномеханика из Кремля утверждалось, что «Империя чувств» была любимым фильмом Брежнева.

— Чем вы руководствуетесь, приглашая режиссера на постановку?

— Главное — симпатии к человеку. Правда, часто впечатления оказываются ошибочными. И, конечно же, мое отношение к фильмам режиссера. Я с удовольствием работал с Андреем Тарковским. Мне нравится картина ленинградца Виталия Каневского «Замри — умри — воскресни», удостоенная приза в Канне. С ним бы я хотел работать.

— Всегда ли легко складываются отношения с режиссерами?

— Продюсер часто чувствует себя в положении отца. Отношения эти очень сложные. Это целый комплекс отношений. Часто они даже натянуты, напряжены. Не всегда удается находиться в полной гармонии с режиссером. Но невозможно по отношению к ним быть тираном, даже если продюсерские инстинкты к этому подталкивают. К тому же французские законы защищают режиссера: как только он начинает снимать, он становится полноправным творческим хозяином. И уже ничего с ним нельзя сделать. Это у продюсера будут неприятности, если сорвутся сроки работы и так далее. Так что продюсер не такая уж завидная профессия.

Беседу вел
Виталий ПОТЕМКИН.
(Соб. корр. «ЭС»).

ЛЕНИНГРАД.

Экран и сцена.